

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.27>

Матушкина Наталья Александровна

К ТИПОЛОГИИ ЗНАЧЕНИЙ ДЕЕПРИЧАСТНЫХ ФОРМ В АГГЛЮТИНАТИВНЫХ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ЯКУТСКОГО, МОНГОЛЬСКОГО И ЭВЕНКИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Статья рассматривает деепричастные формы агглютинативных языков алтайской языковой общности на примере материала якутского, халха-монгольского и эвенкийского языков. На основании проведенного анализа автор стремится выявить некоторые общие типологические особенности деепричастий агглютинативных языков. В работе уточняется и собственно понятие "деепричастие", необходимость чего продиктована несоответствием классического определения фактическому материалу рассматриваемых языков. Формы деепричастий исследуются с функционально-семантической точки зрения, выявляется типология их значений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/4/27.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 4. С. 130-135. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

22. Токарев Г. В. Лингвокультурологическая теория концепта // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2013. № 4 (8). С. 178-182.
23. Харитонов В. Ю. Эвфемистическая репрезентация концептов в англоязычной речевой культуре: автореф. дисс. ... к. филол. н. Воронеж, 2008. 22 с.
24. Шипицына Г. М. Прагматика концепта «Воровство» в русской языковой картине мира // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2012. № 24 (143). Вып. 16. С. 35-39.
25. جمهرة الأمثال. أبو هلال العسكري (Аль-Аскари А. Сборник пословиц: в 2-х т. Бейрут, 1988. Т. 1. 486 с.).
26. قاموس المحيط الفيروز آبادي (Альфайруз А. Словарь. Изд-е 8-е. Бейрут, 2005. 1498 с.).
27. قاموس العادات والتقاليد والتعبير المصرية (Амин А. Словарь египетских обычаев, традиций и выражений. Каир, 2010. 400 с.).
28. قاموس الموسوعي للتعبيرات الاصطلاحية في اللغة العربية (Дауд М. Энциклопедический фразеологический словарь арабского языка: в 3-х т. Каир, 2014. Т. 1. 528 с.).
29. يا حكام العراق.. إحدروا ذوبان العرب (О, правители Ирака! Остерегайтесь волков арабов) [Электронный ресурс]. URL: https://www.dampress.net/mobile/index.php?page=show_det&category_id=21&CatId=0&id=18812&lang=ar (дата обращения: 09.03.2019).
30. قصة السواق والجلابي (Рассказ о водителе и Галлаби) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sudaress.com/alintibaha/6645> (дата обращения: 10.03.2019).
31. موسوعة الأمثال الشعبية: دراسة علمية. طاهر، جمال، طاهر (Тахир Г., Тахир Д. Энциклопедия народных пословиц: научный аспект. Каир, 2015. 343 с.).
32. قاموس التعبيرات الاصطلاحية في العربية المعاصرة. فايد، وفاء كامل (Фаед У. Словарь фразеологизмов современного арабского языка. Каир, 2007. 623 с.).

EUPHEMISTIC REPRESENTATION OF THEFT IN THE RUSSIAN AND ARABIC PHRASEOLOGY: LINGUOCULTUROLOGICAL ANALYSIS

Mansour Mohammed Hassan Sammani

Saint Petersburg University

hassen@bk.ru

The article examines the euphemistic function of the phraseological units related to theft in the Russian and Arabic languages from the perspective of linguoculturology. The author gives their detailed linguoculturological commentary in cultural space: in historical, mythological, religious and other aspects. Through the cultural interpretation of the words-components of these units, their figurative bases, symbolic potential, stereotypical character and evaluative markedness in the national culture are revealed. Conclusions have been obtained that the cultural semantics of phraseological units plays an important role in verbal communication euphemization.

Key words and phrases: phraseological unit; euphemism; national-cultural specificity; linguoculturological commentary; cultural stereotypes; phenomenon of theft.

УДК 811.512

Дата поступления рукописи: 19.02.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.27>

Статья рассматривает деепричастные формы агглютинативных языков алтайской языковой общности на примере материала якутского, халха-монгольского и эвенкийского языков. На основании проведенного анализа автор стремится выявить некоторые общие типологические особенности деепричастий агглютинативных языков. В работе уточняется и собственно понятие «деепричастие», необходимость чего продиктована несоответствием классического определения фактическому материалу рассматриваемых языков. Формы деепричастий исследуются с функционально-семантической точки зрения, выявляется типология их значений.

Ключевые слова и фразы: агглютинативные языки; алтайские языки; тюркские языки; монгольские языки; тунгусо-манчжурские языки; деепричастия; глагольные имена; функционально-семантический подход.

Матушкина Наталья Александровна, к. филол. н.

Санкт-Петербургский государственный университет

n.matushkina@spbu.ru

К ТИПОЛОГИИ ЗНАЧЕНИЙ ДЕЕПРИЧАСТНЫХ ФОРМ В АГГЛЮТИНАТИВНЫХ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ЯКУТСКОГО, МОНГОЛЬСКОГО И ЭВЕНКИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Введение

Глагольные именные формы, и в частности деепричастия, играют важнейшую роль в морфологической и синтаксической подсистемах языков агглютинативного типа, прототипическими представителями которых могут считаться алтайские языки: тюркские, монгольские и тунгусо-манчжурские. Наличие развитой системы глагольных имен признается одной из строевых особенностей агглютинативных языков: активное использование конструкций, вводимых глагольными именами, освобождает носителей этих языков от использования как сочинительных, так и подчинительных союзов [7, с. 111-112, 114].

Если говорить о деепричастиях, в частности, как об одной из разновидностей глагольных имен, то их употребительность во всех алтайских языках также чрезвычайно высока. Так, без учета сложных морфолого-лексических образований с обстоятельственным значением, в якутском языке можно выделить не менее одиннадцати, в монгольском – десяти, в эвенкийском – пятнадцати деепричастных форм.

Актуальность настоящего исследования продиктована тем, что сравнительный анализ семантики и особенностей функционирования деепричастных форм в этих языках – представителях разных языковых групп, входящих в алтайскую общность, – может позволить выявить некоторые общие типологические черты деепричастий агглютинативных языков.

В связи с этим **задачи** исследования можно сформулировать следующим образом: 1) на основании языкового материала, найденного в грамматиках языков, а также в произведениях художественной литературы, выявить значения деепричастных форм и смыслы, передаваемые ими в речи, провести их сравнительный анализ; 2) представить результаты анализа, систематизируя их в соответствии с функциональными семантическими признаками форм и проиллюстрировав примерами; 3) интерпретировать полученные результаты с точки зрения типологии агглютинативных языков.

Научная **новизна** настоящей работы обусловлена тем, что при наличии большого количества работ, посвященных функционированию глагольных именных форм, и в частности деепричастий, в отдельных языках, подробного сравнительного анализа семантики этих форм в агглютинативных языках разных групп ранее не проводилось.

Прежде чем обратиться к типологии значений деепричастных форм, представляется необходимым уточнить само понятие «деепричастие», поскольку материал агглютинативных языков требует рассматривать этот термин шире, нежели это принято в отечественной лингвистике. Под понятием «деепричастие» традиционно понимают инфинитную непредикативную форму глагола, обозначающую «второстепенное добавочное действие, примыкающее к главному действию» [1, с. 125]. Это определение, сформулированное, вероятно, на основании исследований индоевропейских языков, может быть справедливо в отношении деепричастных форм, встречающихся в языках флективного типа, но не деепричастий агглютинативных языков. Практически во всех тюркских языках, включая якутский (форма -ан) [13, с. 65-66], а также в халха-монгольском и эвенкийском языках обнаруживаются деепричастные формы, передающие гомогенные, последовательные действия. В монгольском языке это деепричастные формы с показателями **-ж** и **-(г)аад** (примеры 1 и 2), в эвенкийском языке – форма с показателем **-кса** (пример 3) и форма с показателем **-ммен** (пример 4).

(1) Тэр энэ тухай ярьж ярьж явсан [19, р. 158].

Тэр энэ тухай ярь-ж ярь-ж яв-сан.

3SG это о говорить-Ж говорить-Ж уходить-PST

«Он поговорил об этом и ушел».

(2) Би дунд сургууль төгсөөд энд ирсэн [Ibidem, р. 159].

Би дунд сургууль төгс-өөд энд ир-сэн.

1SG средний школа заканчивать-ӨӨД сюда приехать-PST

«Я окончил среднюю школу и приехал сюда» (здесь и далее перевод автора статьи. – *Н. М.*).

(3) Тыматна эрдэкэн иликса, ге хунатпи удяттан [2, с. 11].

Тыматна эрдэкэн или-кса ге хунат-пи удят-та-н.

Завтра рано встать-КСА, второй дочь-POSS идти.по.следу-PST-3SG

«На следующий день он встал пораньше и пошел по следу второй дочери».

(4) Би эмэм, асиниммен [11, с. 183].

Би эмэ-м асини-ммен.

1SG приехать-PST.1SG заснуть-ММЕН

«Я пришел и сразу лег».

В приведенных примерах словоформы с деепричастными показателями называют действие, которое произошло до (примеры 1, 2, 3) или сразу после (пример 4) действия, называемого финитной формой глагола, и которое едва ли может считаться «второстепенным», «добавочным» по отношению к «главному». Против определения деепричастия как «побочного, добавочного» действия также выступает в своей монографии, посвященной деепричастным формам якутского языка, Е. И. Коркина: «Действия, выраженные деепричастиями, по своей объективной значимости могут быть такими же важными и полноценными, как и действия, выраженные личными формами глагола или, во всяком случае, равноценными им» [12, с. 13].

В части рассматриваемых языков обнаруживаются **финитные** формы со значением условия, которые исследователи небезосновательно относят к деепричастным: в якутском языке это форма **-дар** [17, с. 316], а в эвенкийском языке форма **-рак** [3, с. 108-114; 10, с. 206-207]. Это ставит под сомнение представление о деепричастии как об инфинитной непредикативной форме глагола. Таким образом, классическое определение, принятое в отечественном языкознании, оказывается неприменимо к материалу агглютинативных языков.

Более продуктивным в этих условиях представляется обращение к функционально-семантическому подходу к явлениям языка, согласно которому главным критерием отнесения формы к тому или иному классу морфологических показателей должно быть ее коммуникативное предназначение, то есть не формальные, а функционально-семантические ее характеристики. С этой точки зрения центральной характеристикой деепричастий как класса лексем можно считать «обстоятельное» значение, а именно способность окказионально представлять действие в виде разного рода обстоятельств, передающих информацию о месте, времени, причине, условии, способе протекания действия [5, с. 32].

Похожим образом формулирует значение деепричастия О. А. Константинова в монографии, посвященной фонетике и морфологии эвенкийского языка, – «обстоятельный признак главного действия» [10, с. 206]. Не совсем правильным, однако, представляется характеризовать значение деепричастия как «признак», так как значением представления действия в виде признака обладают другие классы глагольных имен – причастия и субстантивно-адъективные формы [6]. Для того чтобы избежать путаницы, удобнее называть члены обстоятельного атрибутивной конструкции и в том числе конструкции с деепричастием – «обстоятельство» и «обстоятельное уточняемое».

Такой подход, определяющий деепричастия как формы глагола, позволяющие говорящему представлять действие в качестве обстоятельства, для того чтобы уточнить другое действие, называемое обстоятельным уточняемым, дает возможность выявить функциональную природу деепричастных форм. С этой точки зрения оправданным оказывается включение в класс деепричастий финитных форм со значением условия, так как условие следует считать одной из разновидностей обстоятельства, которое, согласно классическому определению, есть «совокупность конкретных условий, в которых совершаются, происходят какие-либо явления, процессы; события, факты, связанные с чем-нибудь, сопутствующие, сопровождающие что-либо или вызывающие появления чего-либо...» [9, с. 399]. С позиций функционально-семантического подхода большой интерес представляет сравнительный анализ значений, которыми наделены деепричастные формы якутского, халха-монгольского и эвенкийского языков, а также смыслов, передаваемых этими формами.

Типология значений деепричастных форм

Состав категории деепричастий с точки зрения типологии их значений в рассматриваемых языках оказывается очень похожим: во всех трех языках обнаруживаются следующие формы: обстоятельства образа действия, обстоятельства времени, обстоятельства цели, а также формы со значением условия.

1. Формы со значением обстоятельства образа действия

Во всех трех языках можно обнаружить формы, представляющие действие в виде обстоятельства образа действия: форма **-а/-ыы** якутского языка, форма **-н** монгольского языка, формы **-на** и **-мнак** эвенкийского языка.

Пример употребления формы **-на** эвенкийского языка:

(5) Нунган, орондуви угучадяна, агили нгэнэдечэн [11, с. 179].

Нунган, орон-ду-ви угучадя-на, аги-ли нгэнэде-чэ-н.

3SG олень-DAT.LOC-REF ехать.верхом-НА тайга-PRO ехать.PST-3SG

«Он, сидя верхом на своем олене, ехал по тайге».

Как видно из примера 5 действие-обстоятельство описывает характер протекания действия, называемого уточняемым. Аналогичные формы деепричастий с общим значением образа действия встречаются в большинстве индоевропейских языков, по всей видимости, именно подобные формы воспринимаются исследователями как называющие «второстепенное», «добавочное» действие.

Весьма интересным представляется тот факт, что во всех трех языках формам со значением образа действия свойственно употребление в парном виде, что указывает на повторность или многократность, а также длительность действия:

Бөх кыратык хамсы-хамсыы үллэннээбитэ [18, с. 6].

Бөх кыратык хамс-ы- хамс-ыы үллэннээ-битэ.

Комок потихоньку ворочаться-Ы-ворочаться-ЫЫ подниматься-PST.3SG

«Комок потихоньку ворочаясь, стал подниматься».

Этыркэн, нгэлэнэ-нгэлэнэ нунгантыкин дагамача [2, с. 3].

Этыркэн, нгэлэ-нэ нгэлэ-нэ нунган-тыки-н дагама-ча.

Старик, бояться-НЭ бояться-НЭ 3SG-ALL-POSS.3SG приближаться-PST.3SG

«Старик, побаиваясь, подошел к нему».

2. Формы со значением обстоятельства времени

Деепричастные формы с временным значением наиболее многочисленны во всех рассматриваемых языках, при этом деепричастия не содержат в своем значении «абсолютных временных сем» [8, с. 91], не обладают независимой категорией времени [15, с. 14]. Это значит, что временное значение деепричастных форм указывает на соотношение времени протекания действия-обстоятельства с временем совершения уточняемого действия. При этом зависимое действие может быть одновременным, предшествующим или последующим по отношению к главному, уточняемому, действию.

2.1. Формы со значением предшествования

Наиболее многочисленная группа в составе деепричастий со значением обстоятельства времени: в якутском языке можно обнаружить три формы: **-ан**, **-аат**, **-бытынан**, в монгольском языке четыре: **-ж(-ч)**, **-(г)аад**, **-магц**, **-хлаар**, в эвенкийском языке две формы: **-кса**, **-чала**.

При этом формы **-ан** и **-бытынан** якутского языка и форма **-ж(-ч)** монгольского языка обладают очень широким значением, могут использоваться для представления в виде обстоятельства действий, как предшествующих уточняемому событию, так и одновременных с ним.

Формы **-аат** якутского, **-(г)аад**, **-магц**, **-хлаар** монгольского языка, **-кса** и **-чала** эвенкийского языка обладают более узким значением предшествования и указывают на то, что действие, называемое обстоятельством, было совершено до (или незадолго, непосредственно до) другого действия, выраженного обстоятельством уточняемым:

Түүнийг ирэхлээр над руу утасдаарай [19, р. 165].

Түүнийг ирэ-хлээр над руу утасд-аарай.

3SG.GEN *приходить-ХЛЭЭР* 1SG.DAT *к звонить-IMP.2*

«Как только он придет, позвони мне».

Тыматна эрдэкэн иликса, ге хунатпи удяттан [2, с. 11].

Тыматна эрдэкэн или-кса, ге хунат-пи удят-та-н.

Завтра рано встать-КСА, второй дочь-POSS идти.по.следу-PST-3SG

«На следующий день, встав пораньше, он пошел по следу второй дочери».

2.2. Формы со значением одновременного действия

В якутском языке этим значением обладают формы **-бытынан, -ан**, в монгольском языке – **-ж(-ч)** и **-саар**, в эвенкийском языке – **-нгаси, -дьянма**.

В якутском языке не удается обнаружить форму, которая обладала бы только значением одновременного действия. Пример употребления формы *-ан* якутского языка для выражения действия, происходящего одновременно с уточняемым действием:

Эһиги курдук испин кууһан сытыам суоҕа – ылл-ыам [18, с. 10]!

Эһиги курдук ис-пин кууһ-ан сыт-ыам суоҕа – ыллыам.

2PL как живот-POSS.1SG.ACC схватиться-АН лежать-FUT.1SG NEG – петть-FUT.1SG

«Я не стану, как вы, лежать, схватившись за свой живот – я буду петть!»

Форма *-саар* монгольского языка и формы эвенкийского языка обнаруживают в своем значении также сему длительности, указывающую на продолжительность уточняющего действия в виде отрезка времени, когда неоднократно или длительно происходило уточняемое действие:

Би, городту бингэсиви, кэтэрэ театрду бингквив [3, с. 112].

Би, город-ту би-нгэси-ви, кэтэрэ театр-ду би-нгки-в.

1SG город-DAT.LOC быть-НГЭСИ-1SG, много.раз театр-DAT.LOC быть-PST-1SG

«Когда я был в городе, я бывал много раз в театре».

2.3. Формы со значением временного предела («до тех пор, пока не»)

В монгольском и эвенкийском языке присутствуют также деепричастные формы со значением обстоятельства предела, сигнализирующим о том, что действие-обстоятельство воспринимается как временной предел, вплоть до которого совершается уточняемое действие. В эвенкийском языке это форма **-кнан**, в монгольском – деепричастие с показателем **-тал**:

Шөнө өрөй болтол яваад буув [16, с. 151].

Шөнө өрөй бол-тол яв-аад буу-в.

Ночь поздний стать-ТОЛ идти-ADP остановиться-PST

«Шел, пока не наступила глубокая ночь, и остановился».

3. Формы со значением обстоятельства цели

Деепричастия со значением цели также обнаруживаются во всех исследуемых языках: форма **-аары** в якутском языке, форма **-(а)хаар** в монгольском языке, форма **-да** эвенкийского языка. Действие, называемое обстоятельством, воспринимается как мотив, желание, цель другого действия, называемого обстоятельством уточняемым:

Би монгол хэл сурахаар Монгол ирсэн [19, р. 166].

Би монгол хэл сур-ахаар Монгол ир-сэн.

1SG монгольский язык учить-АХААР Монголия приехать-PST

«Я приехал в Монголию, чтобы учить монгольский язык».

4. Формы со значением условия

В якутском языке обнаруживаем две формы со значением условия: **-тар** и **-даҕына**, в монгольском языке это форма **-бал(-вал)**, эвенкийский язык также обладает двумя формами: **-ми** и **-рак**. В значении форм заключена способность представлять действие в виде обстоятельства условия (реального или нереального) совершения какого-либо другого действия, называемого обстоятельством уточняемым:

Би турэнмэв оракихун упкат сунду биденгэн [2, с. 7]...

Би турэн-мэ-в о-раки-хун упкат сун-ду би-денгэ-н...

1SG слово-ACC-POSS.1SG делать-ПАКИ-POSS.2PL все 2PL-DAT.LOC быть-FUT-3SG

«Если вы исполните мое слово, у вас будет все».

Среди форм, передающих значение условия, есть нефинитные: форма **-бал** монгольского языка и форма **-ми** эвенкийского языка. Формы якутского языка и форма **-рак** эвенкийского языка являются финитными, то есть помимо обстоятельного значения они несут информацию о наличии в высказывании субъектно-предикатной связи и не употребляются без показателей лица, в связи с чем их зачастую относят к формам «условного наклонения» [4, с. 325-326]. Однако, учитывая их способность представлять действие в виде обстоятельства условия, с функциональной точки зрения эти формы необходимо относить к деепричастным.

Помимо рассмотренных типов значений, в отдельных языках также встречаются: деепричастная форма, обладающая значением, указывающим на то, что уточняющее действие непосредственно следует за уточняемым, – форма **-ммен** эвенкийского языка (см. пример 4); деепричастная форма **-вч** монгольского языка, обладающая значением притивительного обстоятельства. В якутском языке присутствуют формы отрицательных деепричастий (**-ымына** и **-бакка**). Однако, за исключением этих форм, набор значений деепричастных форм в трех рассматриваемых языках оказывается практически идентичным, семантика форм и особенности их употребления также обнаруживают множество сходств.

Заключение

Проведенный анализ наглядно показывает, что деепричастные формы в агглютинативных языках берут на себя функцию передачи таких смыслов, которые в индоевропейских языках передаются при помощи обстоятельственных придаточных предложений: как видно из приведенных в работе примеров, лишь единичные формы можно перевести на русский язык деепричастиями. Наиболее многочисленны в агглютинативных языках формы со значением обстоятельства времени, передающие информацию о предшествовании, одновременности или следовании, также во всех рассмотренных агглютинативных языках обнаруживаются формы со значением обстоятельства образа действия, условия и причины. Тот факт, что значения деепричастных форм оказываются весьма схожими в разных агглютинативных языках, указывает на то, что передача этих смыслов именно деепричастными формами является типологической особенностью агглютинативных языков, неразрывно связанной с их природой.

Теоретическое осмысление этой особенности агглютинативных языков можно обнаружить в работах Г. П. Мельникова, внесшего огромный вклад в развитие представлений о типологии агглютинативных языков. Он формулирует главную, определяющую характеристику урало-алтайских языков, их «внутреннюю детерминанту» как «тенденцию к экономии служебных морфем» [14, с. 339]. С точки зрения исследователя, говорящий на агглютинативном языке строит словоформы непосредственно при порождении речи, а значит, имеет возможность использовать или не использовать те или иные служебные морфемы в зависимости от необходимости, обусловленной ситуацией общения. Тенденция к экономии служебных элементов, понижая все уровни языковой системы, на уровне синтаксиса приводит к тому, что число реляционных отношений в предложении сводится к минимуму и «эти отношения по возможности выражаются позиционными средствами» [Там же, с. 343]. Как следствие, в урало-алтайских языках определительные, обстоятельственные и объектные отношения сводятся к разновидностям атрибутивных, выражаемых через порядок слов, где уточняемое следует за уточняющим.

Именно эти тенденции определяют развитие в агглютинативных языках многочисленной категории глагольных имен, и в частности деепричастий, способных представлять действие в виде разного рода обстоятельств, тем самым позволяя передавать широкий спектр сложных смыслов в рамках простого предложения путем наращивания атрибутов к сказуемому.

В рамках продолжения настоящего исследования представляется перспективным расширить спектр исследуемых языков, выйти за пределы алтайской общности и рассмотреть состав категории деепричастий в других агглютинативных языках.

Список сокращений

- ACC – винительный падеж
- ALL – направительный падеж
- AUX – вспомогательный глагол
- DAT – дательный падеж
- GEN – родительный падеж
- IMP – императив
- LOC – местный падеж
- NEG – отрицание
- PL – множественное число
- POSS – аффикс принадлежности
- PST – прошедшее время
- SG – единственное число
- ADP (adverbial participle) – деепричастие
- PRO (prolative) – продольный падеж
- REF (referentive) – именной возвратный аффикс (присутствует в монгольском и эвенкийском языках)

Список источников

1. **Ахманова О. С.** Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
2. **Булатова Н. Я.** Эвэдыл нимнгакар. Hanover: Trustees of Dartmouth College, 1999. 55 с.
3. **Василевич Г. М.** Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1940. 132 с.
4. **Грамматика современного якутского литературного языка:** в 2-х т. / под ред. Е. И. Убрятовой. М.: Наука, 1982. Т. I. 496 с.
5. **Гузев В. Г.** Опыт применения понятия «гипостазирование» к тюркской морфологии // Востокovedение: филологические исследования / отв. ред. И. М. Стеблин-Каменский. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. Вып. 21. С. 29-36.
6. **Гузев В. Г.** Система именных форм тюркского глагола как морфологическая категория (на материале староанатолийского и турецкого языка) // *Turcologica*. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова / отв. ред. С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян, Э. Р. Тенишев. Л.: Наука, 1976. С. 56-64.
7. **Гузев В. Г., Бурькин А. А.** Общие строевые особенности агглютинативных языков // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды Института лингвистических исследований. СПб.: Нестор-история, 2007. Т. III. Ч. 1. С. 109-118.
8. **Дениз-Йылмаз О.** Категория номинализации действия в турецком языке. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. 227 с.

9. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. 720 с.
10. Константинова О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М. – Л.: Наука, 1964. 272 с.
11. Константинова О. А., Лебедева Е. П. Эвенкийский язык: учебное пособие для педагогических училищ. М.: Учпедгиз, 1953. 332 с.
12. Коркина Е. И. Деепричастия в якутском языке. Новосибирск: Наука, 1985. 206 с.
13. Матушкина Н. А. К вопросу о функциональных особенностях тюркских деепричастий (на материале якутского языка) // Актуальные вопросы тюркологических исследований. К 180-летию кафедры тюркской филологии Санкт-Петербургского государственного университета: сб. статей / под ред. Н. Н. Телицина, Й. Н. Шена. СПб.: СПбГУ, 2016. С. 65-72.
14. Мельников Г. П. Системная типология языков: принципы, методы, модели. М.: Наука, 2003. 395 с.
15. Телицин Н. Н. К характеристике деепричастий в древнеуйгурском языке // Советская тюркология. 1987. № 6. С. 10-18.
16. Тодаева Б. Х. Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. М.: АН СССР, 1951. 197 с.
17. Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. Новосибирск: Наука, 2006. 603 с.
18. Хотугу судус. Саха уус-уран литературатын икки ыйга биридэ тахсар альманаба (Полярная звезда. Якутский художественно-литературный альманах). Якутскай к.: САССР ГОСИЗДАТА ЯКУТСКАЙ, 1945. 56 с.
19. Kullmann R., Tserenpil D. Mongolian Grammar. Ulaanbaatar: Admon Co., Ltd., 2008. 448 p.

TYPOLOGY OF ADVERBIAL PARTICIPIAL FORMS IN AGGLUTINATIVE LANGUAGES (BY THE MATERIAL OF THE YAKUT, MONGOLIAN AND EVENKI LANGUAGES)

Matushkina Natal'ya Aleksandrovna, Ph. D. in Philology
Saint Petersburg University
n.matushkina@spbu.ru

The article deals with the adverbial participle forms of the agglutinative languages of the Altaic language family by the material of the Yakut, Khalkha Mongolian and Evenki languages. On the basis of the conducted analysis, the author seeks to identify some common typological features of the adverbial participle in agglutinative languages. In the work, the notion “adverbial participle” is specified, the need for which is dictated by discrepancy between the classical definition and the factual material of the considered languages. The adverbial participle forms are studied from the functional-semantic perspective, and the typology of their meanings is revealed.

Key words and phrases: agglutinative languages; Altaic languages; Turkic languages; Mongolic languages; Tungusic-Manchurian languages; adverbial participle; verbal nouns; functional-semantic approach.

УДК 81'25

Дата поступления рукописи: 18.02.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.28>

В настоящей статье рассматривается проблема перевода немецкоязычного короткого рассказа на русский язык. В немецкой лингвокультуре данный вид художественного текста относится к отдельному жанру, расцвет которого пришелся на середину XX века, к направлению немецкоязычной послевоенной литературы. На основе выделенных категорий (название, диалогичность, время, пространство, событие, композиция, тематическая целостность, динамика текста, тональность, оценочность) и их выраженности в тексте проводится сопоставление текста оригинала рассказа В. Борхерта “Das Brot” и его перевода на русский язык, выполненного Л. Черной. Выявленные расхождения позволяют сделать выводы о качестве перевода, а также о релевантности использования выделенных категорий для перевода короткого рассказа.

Ключевые слова и фразы: перевод; художественный текст; короткий рассказ; немецкоязычная послевоенная литература; категории текста.

Меркиш Татьяна Алексеевна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
tania.merkish@gmail.com

КАТЕГОРИИ КОРОТКОГО РАССКАЗА КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА В. БОРХЕРТА “DAS BROT”)

В немецкоязычной лингвокультуре короткий рассказ “Kurzgeschichte” относится к отдельному жанру, которому присущи определенные характерные черты, выражающиеся в различных категориях художественного текста.

История возникновения самого понятия «короткий рассказ» связана с англо-американским понятием “short story”. В 1886 году А. Е. Шёнбах перевел его как “kurze Geschichte” (короткий рассказ), синоним понятий “Novellette” (миниатюра) и “Skizze” (очерк). В 1897 А. Бартель предложил перевести “short story” как “kleine Geschichte” (маленькая история) или “Geschichte” (история). Однако предложенные им варианты так и не закрепились в немецком языке. В 1900 году в своей работе по истории немецкой литературы XIX века Р. М. Майер использует понятие “kurze Erzählung” (короткий рассказ) для обозначения нового литературного